

Третий раздел – самый обширный – посвящен *Духовной культуре* балтов и славян под знаком их схождений, исторических и ареально-типологических. Данные языка в мифологической интерпретации, описание мифологических персонажей, архаических и новых обрядов, отражение архетипа в искусстве, анализ фольклорных (заговоры, мемораты, предания и т. д.) и литературных текстов – все это создает пеструю и одновременно единую картину балто-славянского мира (также с особым вниманием к литовской традиции).

Надеемся, что читатель самых широких интересов найдет для себя новое и полезное в этом разнообразии тем и подходов. Мы же хотим еще раз напомнить, что таким разнообразием мы обязаны В.Н. Топорову, уникальности его научного дара и скрупулезности научного метода – и его любви к Литве. Литва для него была не просто предметом исследований, но и предметом того интереса, который вызывают вещи, привлекающие сердце, а не только разум. Именно этим сочетанием – чувств и интеллектуальной глубины, сенсуального и спиритуального – проникнуты его работы, посвященные балтийской теме.

В приветствии участникам конференции Вяч.Вс. Иванов сказал:

«Топоров занимался по существу всеми видами гуманитарных наук. Первые его интересы были богословские, связанные с глубокими религиозными идеями. В это же время он много думал об истории, намечая пути исследования истории как науки будущего. Сам он собирался заниматься преимущественно историей литературы, но так получилось, что в то время больше перспектив было для занятий историей языка. Он становится языковедом и, в частности, проникается интересами к балтийскому языкознанию, к балтийским языкам, особенно к литовскому, которым он много занимался. Соответственно, он начинает заниматься балтийской мифологией, в особенности древнепрусской религией, историей древних пруссов и древних балтов, распространением балтийских племен по данным топонимики. Во всех этих областях им было сделано очень много принципиально нового. В то же время он увлекается самыми общими теоретическими вопросами построения всех гуманитарных наук на основе семиотики. Старая идея, которая, как будто, принадлежит блаженному Августину: науки можно делить на науки о вещах, предметах и науки о знаках. И вот эта старая идея позволяет перестроить все гуманитарное знание как комплекс исследований знаков разного типа. К этому Топоров приступает с начала 60-х годов, в этой области он, в продолжение своих ранних философских занятий, сделал чрезвычайно много и во многих областях, которые так или иначе связаны с семиотикой.

Я думаю, что потребуются десятки лет на то, чтобы оценить и продолжить многое из того, что им сделано, и хочу выразить уверенность в том, что конференция станет достойным началом исследований вокруг того, что нам завещал Владимир Николаевич».

Авторы и составители сборника старались этому следовать. Благодарим директора издательства «Вярсме» Пятраса Йонушаса за издание этой книги.

Мария Вячеславовна Завьялова
Институт славяноведения РАН, Москва

Татьяна Владимировна Цивьян
Институт славяноведения РАН, Москва

BALTO-SLAVICA В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В.Н. ТОПОРОВА: ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье дается краткий обзор балто-славянских исследований академика В.Н. Топорова и анализируются возможные пути продолжения его идей. Статья содержит избранную библиографию работ В.Н. Топорова по балто-славистике и список инициированных им балто-славянских конференций и изданий.

Ключевые слова: В.Н. Топоров, балто-славянские исследования, лингвистика, история, семиотика, фольклор, литература, конференции, издания.

Конференция «Балты и славяне: пересечения духовных культур» призвана отразить не только реалии времени и пространства. Она была посвящена Владимиру Николаевичу Топорову, а именно он (в содружестве с Вяч.Вс. Ивановым) в Секторе структурной типологии славянских языков (Институт славяноведения РАН, Москва) положил начало этой теме, обобщив достигнутые к этому времени результаты в области балтистики (и балто-славистики) и «повернув» их в новом направлении. Мы имеем в виду комплексное исследование, включающее историю, фольклор, мифологию (и шире, этнологию, или культурную антропологию), литературу, но, прежде всего *язык* как самый эффективный инструмент, объединяющий и разъединяющий людей. Духовная культура, отсылающая к ноосфере, является той необходимой основой, которая обеспечивает существование мира человека и человека в мире.

Своего рода «фрагментом ноосферы» был и сам В.Н. Топоров: он стремился вовлечь в свои штудии окружающий мир как можно более широко – и осмыслить его по-новому, *по-своему*. Мы попытались взглянуть на балто-славистику «его взглядом», при этом не только для подведения некоторых итогов «балто-славянской деятельности» В.Н. Топорова, но и для перспектив, которые открываются этими итогами.

В 2005 г., в последний год жизни, В.Н. Топоров написал *curriculum vitae*, включив в него все области знаний, которые он «захватил» на протяжении своего более чем пятидесятилетнего научного пути и которые отражены в его работах. Он составил подробную классификацию, где указал, прежде всего, «точка приложения сил» и лишь в некоторых случаях материал, на котором проводились

исследования. Среди поражающего охвата тем *balto-slavica* с самого начала и до самого конца занимала совершенно особое место в его штудиях (и, как мы знаем по его собственным свидетельствам, – в его сердце)¹.

Мы читаем *curriculum* В.Н. Топорова² и снова поражаемся необыкновенной широте тем³:

лингвистика (сравнительно-историческое языкознание и этимология, история языка, топонимия и ономастика, типология, теория и практика «языковых союзов», лингвистическая палеонтология, пространство и время в языке, методология языкознания);

фольклор (исследование системы жанров и поэтики, эпос, сказка, заговор, загадка, плач; связь фольклорных текстов с мифом, ритуалом; проблемы реконструкции «прототекста» отдельных жанров, детские игры в свете реконструкции);

литература (русская и другие славянские, балтийские <...>; анализы текстов, поэтика, проблемы интертекстуальности и реминисценций, влияний и взаимовлияний; история литературы; генезис раннеисторических литературных форм);

миф и ритуал (теория «мифоритуального», анализ и реконструкция индоевропейской мифоритуальной системы и ее развитие <...>);

семиотика (теория знака и символа, исследования конкретных семиотических систем разных культурно-языковых традиций, универсальные семиотические комплексы, исследования «культурных архетипов» и их комплексов – мировое дерево, мировое яйцо <...>, земля-мать, море, первочеловек и его соприродность Вселенной <...>; семиотика «сакральных» городов, анализ универсальных семиотических оппозиций, мифопоэтическое моделирование мира);

история (исследование структуры и смысла раннеисторических описаний; фольклорная трансформация исторических фактов, культ исторических персонажей и т. п. <...>);

религия (становление религии в контексте творчества мифопоэтического сознания <...> и др.);

искусствоведение (анализ ряда древних мифопоэтических изображений *sub specie* их глубинного смысла на материале буддийских, балтийских и раннеславянских образцов изобразительного искусства <...>).

Попытаемся рассмотреть эти темы в проекции на *balto-slavica Toporoviana*.

Надо сказать, что выделить специально балто-славянскую тему в трудах В.Н. Топорова достаточно сложно, поскольку она, так или иначе, присутствует

1 Первая публикация в некрологе: Т.Ц. *Текст жизни. Владимир Николаевич Топоров (1928–2005)* // Отечественные записки, 2005, № 6. С. 341–342.

2 Данный здесь в сокращенном виде, с ориентировкой на балто-славистику.

3 Первая премия А.И. Солженицына (1998) была присуждена В.Н. Топорову «за исследования энциклопедического охвата в области русской духовной культуры...».

едва ли не во всех его работах (см. в Приложении 1 тематический список избранных работ, наиболее близких к балто-славистике)⁴. Как уже было сказано, в основе лежит язык; поэтому мы начинаем с основополагающих компаративистских работ о развитии славянских языков из периферийных балтийских диалектов (впервые – в совместной с Вяч.Вс. Ивановым работе *К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков*, 1961); имеется в виду гипотеза, что протославянский язык представлял собой южно-периферийный прабалтийский диалект, перешедший в праславянский приблизительно в V в. до н. э. К этому присоединяются серии исследований по балкано-балтийским (в том числе фракийско-балтийским) и финноугорско-балтийским связям.

Первостепенной и детально разработанной темой в исследованиях В.Н. Топорова было определение границ древней территории расселения балтов по данным топонимии и гидронимии. Этой проблеме посвящено более 20 работ, в том числе классическая монография о гидронимах Верхнего Поднепровья (в соавторстве с О.Н. Трубачевым, 1962). С этой ареальной темой смыкаются исследования вымерших балтийских языков и народов (галиндов, ятвягов, неуров, селов, и, конечно, пруссов).

Прусский язык – особое направление в научном наследии Топорова, отраженное в его фундаментальном труде *Прусский язык. Словарь*. 5 томов (А–Л), были изданы в 1975–1990 гг. Издание по не зависящим от В.Н. Топорова причинам не было продолжено, что в свое время его очень огорчило. Отчасти поэтому, отчасти из-за обращения к другим темам он прекратил работу над словарем, точнее, прекратил написание текста, оставив лишь подготовительный материал на библиографических карточках в виде словника (М–Z). Метод работы В.Н. Топорова над словарем был следующий: он составлял картотеку, где каждая лексема была сопровождена библиографией, учитывающей по возможности все наиболее значимые работы, в которых она упоминалась, и / или которые были существенны для предполагаемой интерпретации. Далее он писал «набело» текст словарной статьи, причем карточка являлась своего рода ее конспектом. Это хорошо видно, если сравнивать картотеку А–Л и *Словарь*. Конечно, никто кроме В.Н. Топорова не может расшифровать неопубликованную часть картотеки. Однако, как представляется, она имеет большую научную ценность в перспективе, которую мы пока не можем оценить. О работе над картотекой в настоящее время см. ниже.

Прусский словарь (= *Прусский язык*), пожалуй, наиболее масштабное приложение разработанного В.Н. Топоровым нового метода этимологических исследу-

4 Дается по библиографии: *Владимир Николаевич Топоров. 1928–2005*. Материалы к библиографии ученых. РАН. Литература и язык. Вып. 28. Москва, 2006.

дований, от строгой компаративистики до смелого включения народной этимологии. Результатом должна была быть реконструкция древнепрусской / древнебалтийской картины мира на основе выверенных лингвистических данных, пропущенных через семиотику и мифопоэтику. Прусская тема представляется главной научной задачей изучения балтийского наследия Владимира Николаевича, обращенной в будущее.

В балтистических штудиях В.Н. Топорова особое место занимает типологический (ареально-типологический) ракурс. Это развитие идей Н.С. Трубецкого и Р. Якобсона о противопоставлении / сосуществовании языковых семей и языковых союзов и о сближении родственных языков по типологическому принципу. Балто-славянский языковой союз, объединяющий «предков» с «потомками» – тема, которая была открыта Топоровым в 60-е годы. Она не только не потеряла своей актуальности, но настоятельно требует продолжения.

Лингво-семиотическая реконструкция была центром мифологических исследований В.Н. Топорова и Вяч.Вс. Иванова. Это прежде всего реконструированный ими фрагмент так называемого «основного мифа» индоевропейцев (поединок Громовержца со Змеем), в котором балто-славянские данные играют едва ли не первую роль (и где главным героем является *Perkūnas – Perkons – Перун*). Можно сказать, что «основной миф» послужил (и служит) своего рода стержнем для глобального исследования самых разных жанров балтийского фольклора и ритуала (похоронный обряд, заговоры, загадки, дайны, баллады, мемораты и т. д.) *sub specie* балтийской картины мира.

Темы времени и пространства являлись для В.Н. Топорова, пожалуй, наиболее предпочитаемыми. Реальное и метафорическое (семиотическое) время и пространство (в терминах М. Бахтина – хронотоп), циклическое время Элиаде (время «вечного возвращения») он проецировал на *текст*, словесный и несловесный. Отсюда родилась идея *городского текста – текста города* (запись «речи города», который говорит с нами своими улицами и площадями), особенно ярко воплотившаяся в предложенном им концепте *петербургского текста*, в котором соединились история города, городские реалии и символика города, вместе составляющие его мифопоэтический (и художественный) образ. Подоплекой *петербургского текста* была особая привязанность В.Н. Топорова к Петербургу.

Но был и еще город⁵, который в глазах В.Н. Топорова приобрел особое, почти мистическое значение – *Вильнюс*. Тем, кто узнал Вильнюс по рассказам и

⁵ Для добросовестности скажем, что не он один, хотя таких отмеченных городов в каталоге В.Н. Топорова было не так уж много (конечно, нельзя пропустить его родной город, Москву, город, откуда происходили его корни – Ковров, и два европейских города, увиденные им в последние годы жизни, но прочувствованные из литературы и искусства: Париж и Рим).

экскурсиям с Владимиром Николаевичем, это чувство особости города передалось. Такой Вильнюс, исторический, реальный, мифологический, соединивший в себе многие этнокультурные и этноязыковые пласты и пресуществовавший их в некое единство, предстает в фундаментальном исследовании В.Н. Топорова *Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф* (см. Приложение 1 в части «Культура, семиотика, литература»).

Отдельная тема – планирование балто-славянских исследований, развитие сотрудничества с балтистами всего мира и прежде всего – балтистами в странах Балтии. Первым, конечно, идет детище В.Н. Топорова и Вяч.Вс. Иванова (бессменного главного редактора): серия «Балто-славянские исследования», основанная по инициативе Владимира Николаевича в 1970 г. (к 2011 году вышло 18 томов, последний из которых посвящен памяти В.Н. Топорова). Далее – конференции и симпозиумы по балто-славистике в Институте славяноведения РАН, к которым обязательно выпускались книжечки тезисов (В.Н. Топоров твердо придерживался правила, что сказанное должно быть напечатанным; тезисы он считал особенно важными – как заявку на новую тему; см. Приложение 2).

Когда после отделения балтийских стран организация таких конференций стала очень сложной, московскую балтистику «взял в свои руки» атташе по культуре Литвы в России Юозас Будрайтис, с которым у В.Н. Топорова сразу сложились самые тесные дружеские и коллегиальные отношения. В течение почти 10 лет в Центре литовской культуры в Москве – «Доме Юргиса Балтрушайтиса» – благодаря этому творческому союзу было проведено около двух десятков конференций и круглых столов по истории, языкам, литературам и культурам стран Балтии, их контактам/конфликтам с иноязычным и иноэтничным окружением (см. Приложение 3).

В этом обширном списке – цикл «Чтения Юргиса Балтрушайтиса», посвященных поэзии, философии, истории искусства – с них, собственно, все и началось: так были сопряжены фигуры старшего и младшего Балтрушайтисов, поэта и искусствоведа⁶. Далее шел цикл конференций о Великом княжестве Литовском, юбилейные конференции, посвященные отмене запрета литовской печати, 95-летию со дня рождения А.Ю. Греймаса, Вильнюсу как культурной столице Европы и т. д. Материалы конференций издавались, а доклад В.Н. Топорова о Мажвидасе превратился в монографию: В.Н. Топоров. *Начало литовской письменности: Мартинас Мажвидас в контексте его времени: (К 450-летию со дня выхода в свет первой литовской книги)*. Vilnius; Москва, 2001.

⁶ Итоговый сборник Чтений «Юргисы Балтрушайтисы: старший и младший». Материалы конференций «Чтения Балтрушайтиса» подготовлены к публикации.

Все перечисленное относится к **итогам** сделанного В.Н. Топоровым. Но наша цель изначально другая – определить обозначенные им балто-славянские **перспективы**. Это не ученическое «следование» (*Сапожком – робким и кропким / За плацом – следом и следом*, по слову Цветаевой), хотя труды В.Н. Топорова являются и будут являться достойнейшей школой, которую трудно превзойти (слишком велик масштаб его личности). Мы имеем в виду продолжение и развитие (пусть в части своей и полемическое) идей В.Н. Топорова на «балто-славянском поле». За восемь лет, прошедших без учителя, балто-славянские исследования, может быть, не расцвели так, как ему хотелось бы, но никак не заглохли. Произведена предварительная разборка его громадного архива (основной корпус сдан в Российский государственный архив литературы и искусства). В 2009 г. в Институте славяноведения РАН был создан Центр балто-славянских исследований (под руководством Вяч.Вс. Иванова). Бесценная балтийская библиотека Владимира Николаевича в составе других книг передана в Российский государственный гуманитарный университет, в Кабинет В.Н. Топорова и Т.Я. Елизаренковой. Издаются и переиздаются работы В.Н. Топорова, включающие архивные публикации. За последние шесть лет вышли следующие издания, непосредственно или опосредованно связанные с балтистикой и балтославистикой:

Серия *Исследования по этимологии и семантике*:

Том 2. Книга 1. Книга 2. *Индоевропейские языки и индоевропеистика*. Москва: Языки славянских культур, 2006.

Том 3. Книга 1. Книга 2. *Индийские и иранские языки*. Москва: Языки славянских культур, 2009, 2010.

Том 4. Книга 1. Книга 2. *Балтийские и славянские языки*. Москва: Языки славянских культур, 2010.

Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Том 1, 2. Москва: Языки славянских культур, 2010, 2012.

Петербургский текст. Москва: Наука, 2009.

Следом за В.Н. Топоровым по петербургскому тексту. Архивные публикации. Мадрид: Ediciones Ebreo Errante, 2012.

Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. Москва: РГГУ, 2012.

Издательство *Языки славянских культур* подготавливает к печати и другие работы В.Н. Топорова.

В Литве в 2009 году вышла книга воспоминаний коллег и друзей Владимира Николаевича *Владимир Топоров и Литва (Vladimiras Toporovas ir Lietuva / Sud. J. Zabarskaitė, A. Sabaliauskas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas)*.

Четыре года подряд в декабре в «Доме Юргиса Балтрушайтиса» проходили Чтения, посвященные Владимиру Николаевичу Топорову (см. Приложение 3). По их материалам к пятой годовщине со дня его смерти был издан сборник *Топоровские чтения I–IV (2006–2009). Избранное* / Сост. М.В. Завьялова, Т.В. Цивьян. Москва: Институт славяноведения РАН, 2010.

Разворачивается работа над оцифровкой и анализом словника Прусского словаря, которую взял на себя Институт литовского языка (группа под руководством Г. Блажене и И. Забарскайте, при участии и под эгидой международного редакционного совета). После полной научной обработки картотеки материалы будут размещены в интернете (сайт Института литовского языка), и таким образом в научный оборот будет введен новый «балтийский пласт», который, возможно, вдохновит новое (но и старое!) поколение балтистов.

Эти и другие начинания и продолжения, как хочется верить, раскроют многое в балто-славянских планах и идеях В.Н. Топорова, которым не дано было осуществиться.

В дополнение. Когда авторы писали эту статью, обращаясь к работам, библиографии и архиву В.Н. Топорова, они вдруг в материалах, казалось бы, неоднократно пересмотренных и изученных, обнаружили 10 машинописных страниц (2-й экземпляр, с рукописной правкой Владимира Николаевича), предваренных следующим вступлением:

К статье В.Н. Топорова

Письмо «Еще раз о литовском языке» было опубликовано в газете «Комьяунимо Теса» 4.II.1988 г. и перепечатано газетой «Советская Литва» II. 1988. «Послесловие» написано специально для настоящего издания.

Следует сказать, что акрибийно точный Владимир Николаевич почему-то никогда не ставил на рукописях ни даты написания, ни указания издания, для которого работа предназначалась. Это, конечно, очень затрудняет работу публикаторов. В данном случае – наша вина, мы не отождествили это издание. Возможно, текст Владимира Николаевича был приурочен к печальным событиям в Литве и Латвии в начале 90-х. *Послесловие* посвящено «сфере межнациональных отношений», истории тех взаимных согласий – несогласий, которые неизбежны между соседями (и родственниками). Но основной *pointe* текста связан с событиями 40-х годов XX в. и далее, трагически искажившими жизнь и судьбу народов Балтии. В.Н. Топоров всегда болезненно ощущал несправедливость со стороны сильного соседа, а чувство «коллективной вины», которое он столь уважал у проигравших 2-ю мировую войну немцев, было для него возведено в принцип.

Возможно, именно поэтому исторический и этнокультурный анализ взаимоотношений балтов и славян оканчивается напряженно-эмоциональной нотой и цитатой из гоголевской *Шинели* («Я брат твой») об обидах, наносимых слабому.

Мы начали с того, что Литва (и, шире, Балтия) были в сердце Владимира Николаевича. И поэтому сочли возможным кончить статью этими его словами, идущими из сердца.

Только после Первой Мировой войны Литва и Латвия стали независимыми и обрели (латыши впервые за всю историю) свою государственность. За два десятилетия было сделано очень много полезного, а открывавшиеся перспективы были еще богаче. Но снова эти две маленькие страны и их народы оказались ставкой в игре других сил. Открылась трагичнейшая глава в истории этих народов, и полная картина несчастий будет воссоздана позже. Но я опять о нас, о русских, т.е. о народе, который в XX веке сам пережил страшную трагедию. Приходя в себя как от тяжелого духовного и физического обморока-омрачения и пытаюсь начать строить новую, достойную жизнь, мы должны обратиться мыслью, словом и делом к нашим братьям-соседям, к литовцам и латышам и сказать им по совести:

Простите нас за все то, что мы вольно или невольно, по своей безответственности или по воле демонических сил, в руках которых мы были только что безгласным оружием, сделали вам; за несправедливость, ложь, насилие; за то, что мы не сумели воспользоваться историческим шансом найти путь к вашему сердцу и вашему разуму ни в два века вашего пребывания в составе Российской Империи, ни в последние полстолетия. Вы – укор нашей совести, но и наша надежда и высокий пример подлинной творческой ответственности за историю своего народа, за его язык. Мы хотим возобновить наши старинные права на братство – подлинное, без каких-либо определений, без «старшего брата» или того брата, который «первый среди равных». Нам больно – но это наша вина – слышать ваши проникающие слова «оставьте меня, зачем вы меня обижаете», но мы слышим, хотим слышать за ними другие слова: «я брат твой».

И когда это будет сказано, мы, переживая нашу вину, впервые не отведем глаз от вашего взгляда.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Избранная библиография В.Н. Топорова по балто-славистике (сгруппирована тематически)

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. – М.: 1958. (IV Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации). – Соавт.: Вяч.Вс. Иванов.

Очерк истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений // Ученые записки Института славяноведения. – 1959. – Т. 17. – С. 248–273.

К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию. – М., 1961. – С. 273–305. – Соавт.: Вяч.Вс. Иванов.

К проблеме балто-славянских языковых отношений // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1961. – Вып. 33/34. – С. 211–218.

Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений // Ученые записки Института славяноведения. – 1962. – Т. 23: Проблемы славянского языкознания. – С. 3–43.

К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза (БСЛЯЗС) // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии: Тезисы докладов. – М., 1964. – С. 13–19. – Соавт.: Т.М. Судник, С.М. Шур.

Балтийские языки: Введение // Языки народов СССР. – М., 1966. – Т. 1: Индоевропейские языки. – С. 455–465.

К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза // Советское славяноведение. – 1967. – № 2. – С. 38–45. – Соавт.: Т.М. Судник, С.М. Толстая.

К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика: Первый симпозиум по балканскому языкознанию (23–24 мая 1972 г.): Предварительные материалы. – М., 1972. – С. 24–38.

Балтизмы в русских говорах // Балтийские языки в их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Я. Эндзелина. – Рига, 1973. – С. 43–46.

О некоторых аспектах реконструкции в сравнительно-историческом исследовании балтийских языков: 1–2 // Baltistica. – 1979. – Т. XV (2) – Р. 95–110.

Категории времени и пространства и балтийское языкознание // Балто-славянские исследования, 1980. – М., 1981 – С. 11–15.

Славяне и балты (VI–IX вв.) // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма: Сборник тезисов – М., 1988. – С. 8–11.

Значение белорусского ареала в этногенетических исследованиях // Славяне: адзінства і мнагастайнасць. Міжнар. канф., Мінск, 24–27 мая 1990 г.: Тэз. дакл. і паведамленняў. Секцыя 2: Этнагенез славянаў. – Мінск, 1990. – С. 87–90.

О балто-славянской диалектологии: (несколько соображений) // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию С.Б. Бернштейна. – М., 1995 – С. 40–53.

Балтийские языки // Языки мира. Балтийские языки. – М., 2006 – С. 10–49.

СВЯЗИ БАЛТИЙСКИХ И ПРОЧИХ ЯЗЫКОВ

Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топонимии // Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. – М., 1964. – С. 52–58.

К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика: Первый симпозиум по балкан. языкознанию (23–24 мая 1972 г.): Предварительные материалы. – М., 1972. – С. 24–38.

К фракийско-балтийским языковым параллелям: 1 // Балканское языкознание. – М., 1973. – С. 30–63.

К фракийско-балтийским языковым параллелям: 2 // Труды по знаковым системам. 8. – Тарту, 1977. – С. 103–119. – (Ученые записки Тартуского университета; Вып. 411). – С. 59–116.

Кельтиберская надпись из Боторриты в свете балто-славянского сравнения // Балто-славянские исследования, 1984. – М., 1986. – С. 209–224.

Балтийский комментарий к кельтиберской надписи из Боторриты // *Tarptautinė baltistų konferencija 1985 m. spalio 9–12 d. Pranešimų tezės.* – Vilnius, 1985. – P. 229–230.

Balto-Albanica // *Acta Baltico-Slavica.* – 1987. – Т. 17. – S. 275–293.

К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования, 1988–1996. – М., 1997. – С. 325–331.

ТОПОНИМИЯ, ГИДРОНИМИЯ

О балтийских следах в топонимике русских территорий // *Lietuvių kalbotyros klausimai* – 1959. – № 2. – P. 55–63.

Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья // *Lietuvių kalbotyros klausimai* – 1961. – № 4. – P. 195–217. – Соавт.: О.Н. Трубачев.

Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. – Соавт.: О.Н. Трубачев.

Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Географические названия. – М., 1962. – С. 41–49. – (Вопросы географии; Сборник 58).

О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // *Slavistica Pragensia.* – 1966. – Т. 8. – S. 255–263.

О балтийском элементе в гидронимии Верхнего Нарева // *Studia linguistica slavica baltica.* Canuto-Olavo Falk sexagenario a collegis amicis discipulis oblata. Lundae, MCMLXVI. – Lund, 1966. – С. 285–297.

К восточной границе гидронимии балтийского типа // Топонимия Центра: Тезисы докладов / Географическое общество АН СССР. Московский филиал. – М., 1972. – С. 6–7.

«Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. – М., 1972 – С. 217–280.

О балтийском элементе в Подмосковье // *Baltistica.* – 1972. – Priedas 1. – P. 185–224.

Балтийский горизонт древней Москвы // *Acta Baltico-Slavica* – 1982. – Т. 14. – S. 259–272.

Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования, 1981. – М., 1982. – С. 3–61.

О балтийских следах в гидронимии Поочья // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции, 29 нояб. – 2 дек. 1983 г. – М., 1983. – С. 49–50.

Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. – М., 1984. – С. 10–25.

Балтийский элемент в гидронимии Поочья: I // Балто-славянские исследования, 1986. – М., 1988. – С. 154–177.

Балтийский элемент в гидронимии Поочья: II // Балто-славянские исследования, 1987. – М., 1989. – С. 47–69.

Балтийский элемент в гидронимии Поочья: III // Балто-славянские исследования, 1988–1996. – М., 1997. – С. 276–310.

Из балтийской ареальной гидронимии: к латгальско-восточнославянским языковым связям // *Balto-slowiańskie związki językowe: Conf. in Białowieża, May 13–17, 1987.* – Wrocław, 1990. – S. 365–380.

О балтийской гидронимии Верхнего Подонья // *Linguistica Baltica.* – 1992. – № 1. – S. 225–240.

Еще раз о балтизмах в чешских землях // *Slavia.* – 1993. – Roc. 62, seř. 1. – S. 51–63.

О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии: (из цикла *По окраинам древней Балтии*) // *Res Balticae.* – 1995. – [1]. – P. 13–40.

Балтийские следы на Верхнем Дону // Балто-славянские исследования, 1988–1996. – М., 1997. – С. 311–324.

Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале: (Общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. – М., 1999. – С. 276–292.

О балтийском слое русской истории // *Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори.* – М., 2000. – С. 349–411. – (*Studia historica*).

К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике: (По материалам XIII–XV вв.) // *Res Balticae.* – 2001. – [7]. – P. 7–22.

МЕРТВЫЕ БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Заметки по прусской этимологии // Вопросы славянского языкознания. – 1958. Вып. 3. – С. 112–120.

Две заметки из области балтийской топонимии: 1. О южной границе ятвягов; 2. Литовские *Akmen-*, *Ašmen* // *Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzeļīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei*. – Rīgā, 1959. – Lpp. 251.–266.

Заметки по балтийской этнонимии // III Всесоюзная конференция по балтийскому языкознанию, 25–27 сент. 1975 г.: Тезисы докладов – Вильнюс, 1975. – С. 147–150.

Прусс. **gasto* как ключевой термин социально-экономического устройства древних пруссов // Проблемы этнической истории балтов. – Рига, 1977. – С. 117–121.

**Galind-* в этно-лингвистической и ареальной перспективе // Проблемы этнической истории балтов: Тезисы докладов. – Рига, 1977. – С. 121–126.

К реконструкции прусских метрических текстов // *Balcano-Balto-Slavica: Симпозиум по структуре текста*. – М., 1979. – С. 87–92.

Балтийский элемент к северу от Карпат: этнонимическая основа **Galind* как знак балтийской периферии // *Slavia Orientalis*. – 1980. – R. 29, z. 1/2. – S. 247–252.

К объяснению нескольких «культурных» слов в прусском языке // *Этимология*, 1978. – М., 1980. – С. 153–169.

Γαλίνδαι – Galindite – Голядь (Балт. **Galind* в этнолингвистической и ареальной перспективе) // *Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов*. – Рига, 1980. – С. 124–136.

Голядский фон ранней Москвы: (О балтийском элементе в Подмосковье) // *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов*, март 1981. – Вильнюс, 1981. – С. 112–117.

Прусс. *reddi* и под. как семантическая проблема // *Балто-славянские исследования*, 1981. – М., 1982. – С. 100–105.

Галинды в Западной Европе // *Балто-славянские исследования*, 1982. – М., 1983. – С. 129–140.

От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского // *Балто-славянские исследования*, 1983. – М., 1984. – С. 36–66 – Соавт.: Л. Палмайтис.

Прусский язык: Словарь. – М., – Т. 1: (A–D) – 1975; Т. 2: (E–H) – 1979; Т. 3: (I–K) – 1980; Т. 4: (K–L) – 1984; Т. 5: (L) – 1990.

Еще раз о неврах и селах в общепалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. **neur-* : **sel-* (неумирающая память об одном балтийском племени) // *Балто-славянские исследования*. – М., 2006. Т. 17.

Прусский язык // *Языки мира. Балтийские языки*. – М., 2006. – С. 50–92.

ЭТИМОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Индоевропейский корень **ə₂en* / **ə₂n* в балтийском и славянском // *Lingua Posnaniensis*. – 1960. – Т. 8. – S. 194–211.

Заметка об индоевропейском **grog'* (**gorg'-*), **greg'* в балтийском и славянском // *Краткие сообщения Института славяноведения*. – 1962. – № 35. – С. 73–75.

Исследования по балтийской этимологии (1957–1961) // *Этимология: Исследования по русскому и другим языкам*. – М., 1963. – С. 250–261.

Из индоевропейской этимологии: 1. Тохарское *A päl(t)sk* – *думать* и буддийская доктрина функций сердца; 2. Тохарское *B keksene*: литовское *kaktenà*; 3. Из кельтско-балтийских параллелей; 4. Древнеиндийское *pra-bhūs-*: праславянское **probyš* // *Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков*. – М., 1973. – С. 140–154.

К вопросу о балтизмах в славянских языках: (Теоретический взгляд) // *Latviešu Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. – 1973. – № 2. – Lpp. 90.–96.

Из истории балто-славянских языковых связей: *анчутка* // *Baltistica*. – 1973. – Т. 9. – P. 29–44.

Лит. *dañdaras*, *dandala* и др. // *Zeitschrift für Slawistik*. – 1974. – Bd. 19, H. 2. – S. 207–209.

Балто-слав. **karv* и **deiv* & **karv* // *Lingua Posnaniensis*. – 1980. – Т. 23. – S. 197–203.

Из индоевропейской этимологии: III (1–2): 1. Балто-балкан. **kēt-*, **gaur-*; 2. Др.-инд. *linga-* в индоевропейском контексте // *Этимология*, 1982. – М., 1985. – С. 123–140.

Балто-славянское **lab-* как благопожелание // *Slawistyczne studia językoznawcze*. – Wrocław etc., 1987. – S. 419–426.

Из балто-славянской лексикологии: II // *Res Balticae*. – 1997. – [3]. – P. 33–68.

Из индоевропейской этимологии. VI (1–2): 1. Еще раз о теофорном литовском имени *Chaurirari*. Из старолитовского мифологического ономастиконо; 2. Др.-греч. *νίκη* (*víkē*) «победа» // *Этимология*, 1997–1999. – М., 2000. – С. 172–185.

Из балто-славянской лексикологии // *Aspekte baltistischer Forschung. Schriften des Instituts für Baltistik*. – Essen, 2000. – Bd. 1. – S. 301–317.

ГРАММАТИКА

К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *Вопросы славянского языкознания*. – 1961. – Вып. 5. – С. 35–70.

О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. – 1962. – Vol. 5. – P. 31–57.

Несколько замечаний о структуре флективной парадигмы литовского глагола в связи с проблемой порождения глагольных форм // *Kalbotyra*, XIV. – Vilnius, 1966. – С. 119–130.

О соотношении презентных основ на *-sta* и с носовым инфиксом в балтийских языках в связи со структурой индоевропейского глагола // Кузнецовские чтения, 1970: Тезисы докладов по фонологии и морфонологии. – М., 1970. – С. 58–60.

Несколько замечаний о балтийских глаголах на *-sta* в связи с происхождением этого форманта (индоевропейская перспектива) // *Baltų kalbų veiksmąžodžio tyrinėjimai*. – Vilnius, 1973. – S. 151–168.

О специфике балт. **lai* и его индоевропейских параллелях: на стыке морфологии и синтаксиса // Балто-славянские исследования, 1983. – М., 1984. – С. 67–83.

МИФОЛОГИЯ

Об одной «явтяжской» мифологеме в связи со славянской параллелью // *Acta Baltico-Slavica* – 1966. – Т. 3. – S. 143–149.

К балто-скандинавским мифологическим связям // *Donum Balticum to professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970* / Ed. V. Rūķe-Draviņa. – Stockholm, 1970. – P. 534–543.

Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. – М., 1972. – С. 289–314.

Об одном локальном варианте основного мифа (*Dieveniškės*) // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). – Тарту, 1974. – С. 33–37.

Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени: балт. *Puš(k)ait-*: др.-инд. *Pūśán*: др.-греч. *Πάυ* // Балто-славянские исследования. – М., 1974. – С. 3–36.

Балтийская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей // *Zeitschrift für Slawistik*. – 1974. – Bd. 19, N. 2. – S. 144–157. – Соавт.: Вяч.Вс. Иванов.

Lady-bird (*Coccinella septempunctata* L.) in the Baltic and Slavic traditions in connection with the reconstruction of some motives of the «principal» myth // *Humanitas religiosa: Festschrift für Haralds Biezais zu seinem 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Kollegen*. – Stockholm; Uppsala, 1979. – S. 268–273.

Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования, 1980. – М., 1981. – С. 274–300.

Об одной латышско-славянской конструкции с участием **rad-* // Балто-славянские исследования, 1982. – М., 1983. – С. 108–113.

Еще раз о Велесе-Волосе в контексте «основного» мифа // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции, 29 ноября – 2 декабря 1983 г. – М., 1983. – С. 50–56.

К проблеме лтш. *Jumis* и балтийского близнечного культа // Балто-славянские исследования, 1982. – М., 1983. – С. 140–175. – Соавт.: Вяч.Вс. Иванов.

Латышские народные песни как источник для реконструкции архаичных мифопоэтических представлений // Слово в нашей речи: Сборник статей. – Рига, 1985. – Вып. 5. – С. 34–56.

Об одной готско-румынско-южнобалтийской параллели (мотив людей и скота под землей) // Балто-славянские исследования, 1985. – М., 1987. – С. 163–168.

Заметки о латышских мифологических именах // *Onomastica Lettica*. – Rīgā, 1990. – Lpp. 200.–236.

Балтийские и славянские данные о бобре в мифологической перспективе: (Опыт реконструкции) // *Senovės baltų kultūra. Dangaus ir žemės simboliai*. – Vilnius, 1995. – P. 81–157.

Балтийские данные к реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери **Zemiā & *Mātē* // *Res Balticae*. – 1998. – [4]. – P. 159–193.

Мифопоэтический образ бобра в балто-славянской перспективе: генетическое, ареальное и типологическое // Балто-славянские исследования, 1997. – М., 1998. – С. 400–539.

Dar kartą apie teoforinį vardą Chaurirari. Iš senojo lietuvių mitologinio onomastikono // *Naujasis Židinys*. – Vilnius, 1999. – Kovo 3. – P. 101–104.

К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери **Zemiā & *Mātē (Māti)* // Балто-славянские исследования, 1998–1999. – М., 2000. – Т. 14. – С. 239–371.

К проблеме «севернорусской» *литвы*: (миф и реальность) // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А.А. Формозова. – М., 2004. – С. 77–89.

ФОЛЬКЛОР, РИТУАЛ

Из области балто-славянских фольклорных связей // *Lietuvių kalbotyros klausimai* – 1963. – № 6. – P. 149–175.

Заметки по похоронной обрядности: I. К постановке вопроса о реконструкции индоевропейского похоронного обряда; II. О мифологизированных описаниях обряда трупосожжения и его происхождения у балтов и славян; III. Славянский ритуальный комплекс **trizna* и его языковой аспект (семантика); IV. Об одном архаичном переживании: похороны Сидора Карповича; V. Плач по отцу («*Soplas por la muerte de su padre*») Хорхе Манрике // Балто-славянские исследования, 1985. – М., 1987. – С. 10–52.

К реконструкции одного балтийского ритуального термина // *Symposium Balticum: A Festschrift to honour professor Velta Rūķe-Draviņa*. – Hamburg, 1990. – P. 521–534.

Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). – М., 1990. – С. 12–47

Еще раз об «авсеневых» песнях: язык, стих, смысл // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М., 1993. – С. 169–195.

«Второе» происхождение – загадка в ритуале: (Ведийская космологическая загадка типа brahmodya: структура, функция, происхождение) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. – М., 1999. – Т. 2: Загадка как текст. – С. 8–53.

Pirmykštis pasaulėvaizdis (bendra apžvalga) // Liaudies Kultūra. – 2002. – № 3. – P. 50–60.

КУЛЬТУРА, СЕМИОТИКА, ЛИТЕРАТУРА

Из наблюдений над литовской народной песней // Вторая летняя школа по вторичным моделирующим системам, Тарту, 16–26 августа 1966: Тезисы докладов. – Тарту, 1966. – С. 45–46. – Соавт.: И.Н. Топорова.

К семиотической интерпретации коровая и коровайных обрядов у белорусов // Труды по знаковым системам. 3. – Тарту, 1967. – С. 64–70. – (Ученые записки Тартуского университета; Вып. 198). – Соавт.: Вяч.Вс. Иванов.

К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале) // Sign. Language. Culture = Знак. Язык. Культура. – The Hague; Paris, 1970. – P. 321–389. – Соавт.: Вяч.Вс. Иванов.

Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. – М., 1980. – С. 3–71.

Язык и культура: об одном слове-символе: (К 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // Балто-славянские исследования, 1986. – М., 1988. – С. 3–44.

Три заметки о Старом Стендере // Балто-славянские исследования, 1987. – М., 1989. – С. 93–162.

О русской культуре в Латвии // Даугава. – 1989. – № 10. – С. 105–109.

Образ «соседа» в становлении этнического самосознания: (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. – М., 1990. – [Вып. 2]: Этно-психологический стереотип в средние века: (Сборник тезисов). – С. 4–14.

О мифопоэтическом пространстве: Избр. ст. Pisa, 1994. (Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического сознания (русско-балтийская перспектива)).

Ernst Glück – der deutsche Verfechter der Aufklärung in Lettland und Russland // Das Wort: Germanisches Jahrbuch, 1999. – М., 2000. – S. 161–181.

Начало литовской письменности: Мартинас Мажвидас в контексте его времени: (К 450-летию со дня выхода в свет первой литовской книги). – Vilnius; М.: Baltos lankos: Дом Ю. Балтрушайтиса, 2001.

«Одическая песнь городу Риге» (1595) Базилия Плиния // Балто-славянские исследования. – М., 2002. – Т. 15. – С. 42–76.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Балто-славянские конференции в Институте славяноведения РАН

1978 г.

Первая балто-славянская конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом».

1979 г.

«Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста».

1983 г.

«Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане».

1985 г.

«Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд».

«Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора».

1990 г.

«Uralo-Indo-Germanica».

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Конференции, организованные в «Доме Юргиса Балтрушайтиса»
атташе по культуре Литовской Республики в Российской
Федерации Юозасом Будрайтисом при тесном
сотрудничестве с В.Н. Топоровым

1998 г.

К 80-летию литовской дипломатии и 125-летнему юбилею со дня рождения Ю. Балтрушайтиса.

Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века.

1999 г.

Ю. Балтрушайтис-старший – Ю. Балтрушайтис-младший: поэт и искусствовед.

2000 г.

Чувств простая пятерица (Юргис Балтрушайтис).

Балты в древности и средневековье: языки, история, культура (памяти историка Э. Банёниса).

2002 г.

Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского.

2003 г.

Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: исторические и культурные связи и параллели (к 750-летию коронации Миндаугаса).

2004 г.

Исторический путь литовской печати (к 100-летию отмены запрета литовской печати).

2005 г.

Юргис Балтрушайтис. Ежегодные чтения. I: Символизм и постсимволизм.

После смерти В.Н. Топорова

2006 г.

Ю. Балтрушайтис. Ежегодные чтения. II: поэтический дискурс Серебряного века в опыте современного прочтения.

Литовская Метрика и Литовский Статут как источниковедческая база для славистики и балтистики.

Топоровские чтения-I.

2007 г.

Юргис Балтрушайтис. Ежегодные чтения. III: Альманахи Серебряного века.

Современная семиотика в приложении к гуманитарным наукам (посвящено 95-летию со дня рождения А.-Ю. Греймаса).

Топоровские чтения-II.

2008 г.

Ю. Балтрушайтис. Ежегодные чтения. IV: Юргис Балтрушайтис и его символическое и философское окружение.

Топоровские чтения-III.

2009 г.

Многоязычный Вильнюс: прошлое и настоящее столицы Литвы.

Топоровские чтения-IV («Сквозь призму мифологии»).

BALTOSLAVIKA MOKSLINIAME V. TOPOROVO PALIKIME: PERSPEKTYVOS

SANTRAUKA. Remiantis paties 2005 m. sudarytu gyvenimo aprašymu, į kurį jis įtraukė visas žinijos sritis, patraukusias jį per daugiau kaip penkis mokslinio darbo dešimtmečius, nagrinėjami svarbiausi V. Toporovo pasiekimai ir labiausiai jį dominusios baltų ir slavų santykių temos, kurioms jis nuo pat pradžių iki gyvenimo pabaigos skyrė ypatingą dėmesį. Straipsnyje skiriamos pagrindinės šių tyrimų kryptys, pateikiama rinktinė bibliografija. Taip pat apžvelgiami V. Toporovo nuopelnai organizuojant ir planuojant baltoslavikos tyrimus, rengiant konferencijas ir leidinius (iš pradžių Slavistikos institute, o pastaraisiais metais – „Jurgio Baltrušaičio namuose“ bendradarbiaujant su Lietuvos Respublikos kultūros atašė Rusijoje Juozu Budraičiu). Straipsnyje taip pat užšimename apie svarbiausias baltoslavikos ir ypač Toporovo idėjų tolesnės plėtros Rusijoje perspektyvas.

МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ЗАВЬЯЛОВА
Институт славяноведения РАН
Российская Федерация
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
mariazavyalova@gmail.com

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЦИВЬЯН
Институт славяноведения РАН
Российская Федерация
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
tvcivjan@yandex.ru

Вячеслав Всеволодович Иванов
Институт славяноведения РАН, Москва;
Университет Калифорнии, Лос-Анджелес

ЕВРАЗИЙСКАЯ РЕЛИГИЯ СВЕТА И ГРАНИЦЫ МИТРАИЗМА В СВЕТЕ РАБОТ В.Н. ТОПОРОВА

Аннотация: В статье изучается распространение религии света по Западной и Центральной Евразии. Предположительный начальный очаг можно искать в Египте перед Амарнским периодом и после него. В дальнейшем движении на Восток мифологические представления, в центре которых были поклонение Огню (особенно у иранских народов и всех, испытавших, как славяне, их прямое влияние) и разным его небесным и земным формам, Солнцу и Луне, взаимодействовали с дуалистическими религиями типа зороастризма и маздовского учения, раннего гностицизма, манихейства. У славян среди терминов, объясняемых иранским религиозным влиянием, есть и такие, которые могут свидетельствовать о воздействии митраизма. В частности, к ним принадлежит **mirь* в понимании В.Н. Топорова и ряд обозначений культа Солнца.

Настоящая статья рассматривает ранние формы поклонения Солнцу и развившиеся из них евразийские варианты почитания Света, Огня, Солнца и Луны в дуалистических учениях, обладавших рядом общих черт. Они могут быть прослежены и в ранних ирано-славянских контактах, касающихся этих семантических полей, важных для митраизма. В свете итогов разысканий В.Н. Топорова ставится вопрос о возможном влиянии этой религии на славянское язычество.

Ключевые слова: свет, Солнце, митраизм, дуальная организация, огнепоклонничество.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИИ СВЕТА И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Они могут быть изучены в связи с исследованием преднаучного рационалистического поклонения Солнцу в Древнем Египте, где была соответствующая традиция культа Солнца, не сразу ставшая монотеистической. Её совмещение с государственной главной религией описано уже в работах Франк-Каменецкого (Франк-Каменецкий 1917, особенно разбор поклонения Солнечному Богу на с. 31–57; 1928). В письменных текстах эта традиция выражена еще до Эхнатона (Эх-не-йота по транскрипции Б.Я. Перепёлкина). Реформа последнего имела